

УДК 7.067.3.03(47)"191"
ББК 85.156.53(2)61
DOI 10.25281/2072-3156-2022-19-1-100-110

Е.А. ЕСЮНИН

СОВЕТСКИЙ ЛУБОК ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1920-Х ГГ. КАК ФОРМА ПРОПАГАНДЫ СРЕДИ КРЕСТЬЯНСТВА

Егор Алексеевич Есюнин,
Московский государственный академический
художественный институт им. В.И. Сурикова
при Российской академии художеств,
аспирант
Товарищеский пер., д. 30, Москва, 109004, Россия
ORCID 0000-0001-8655-3295; SPIN 4680-9393
E-mail: Yuegor27@gmail.com

Реферат. Лубок 1920-х гг. — малоизученная страница советского искусства. Использование лубка, фольклора в целях революционной пропаганды уходит корнями в XIX век. В первой части статьи приведены примеры применения лубка в революционном движении. Народники первые использовали форму лубочных книжечек для революционной пропаганды среди крестьян. «Ряженая» литература народников облекалась в лубочные «одежды» как в целях конспирации, так и в целях привлекательности для крестьян. До Октябрьской революции лубок использовали в основном народники и эсеры, которые позиционировали себя в качестве крестьянской партии. После революции большевики также применили форму лубка, когда появилась необходимость транслировать марксистские идеи в деревню. Для этого

использовались советские лубочные картинки (советские лубки) и лубочные книжки (агитлубки). Советским лубочным картинкам посвящена вторая часть статьи. На первых порах со стороны изобразительной формы они ориентировались на старинный народный лубок, со стороны литературной формы — на фольклор. Советские лубки имитировали простонародную речь и использовали частушки из нового советского фольклора. На основе архивных документов удалось установить авторов некоторых ранее безымянных лубков. Со второй половины 1920-х гг. советский лубок постепенно меняет форму, превращаясь в репродукцию с реалистических станковых картин. В третьей части статьи речь идет о лубочных книжках и агросказках для крестьян. Советские лубочные книжки и со стороны формы ориентировались на дореволюционные.

Ключевые слова: советский лубок, народная графика, фольклор, ряженая литература, агитлубок, советская пропаганда, народники, изобразительное искусство.

Для цитирования: Есюнин Е.А. Советский лубок первой половины 1920-х гг. как форма пропаганды среди крестьянства // Обсерватория культуры. 2022. Т. 19, № 1. С. 100—110. DOI: 10.25281/2072-3156-2022-19-1-100-110.

Октябрьская революция 1917 г. в России была только первым шагом к социализму. В 1920-х гг. большевикам нужно было провести социалистические преобразования в консервативной деревне. Поэтому для них было особенно важно установить контакт с крестьянством, преподнести коммунистические идеи в популярной и привычной для него форме. Именно такой формой и стал лубок. Советская лубочная картинка 1920-х гг. (далее — советский лубок) имела две разновидности. Для стилизованной (фольклорной) формы советского лубка было характерно использование старой народной картинки и фольклора. Репродукционная форма ориентировалась на станковую живопись. Тенденция развития советского лубка состояла в вытеснении стилизованного лубка репродукционным лубком. Нас интересует стилизованный советский лубок. Помимо лубочной картинки, мы коснемся лубочной книжки (агитлубка). В статье лубочная картинка и лубочная книжка рассматриваются как родственные явления в свете изучения фольклорного направления в советском агитационном искусстве.

Народники первые использовали лубочные книжки в целях революционной пропаганды: призывали население к свержению самодержавия и видели в крестьянах движущую силу будущей революции. Во время «хождения в народ» в 1870-х гг. они распространяли специально написанную «ряженую» литературу. «Внешне эти книги маскировались — «рядились» — то под народные «забавные», то под церковные книги. Так, например, антиправительственная брошюра В.Е. Варзара «Хитрая механика», разоблачающая одну из форм эксплуатации народа — косвенные налоги, часто издавалась под заглавием «Чудесная сказка о семи Семюнах, родных братьях»...» [1, с. 76–77]. В ближайшей перспективе литература не выполнила задачу пробуждения революционных настроений у крестьян. Понимая свою неудачу в деревне, народники стали вести пропаганду среди рабочих, вышедших из крестьянства, видя в них будущих пропагандистов в деревне. В рабочей среде распространялись главным образом те же «ряженные» книги, что и для крестьян: «История французского крестьянина», «Бунт Стеньки Разина», «Емелька Пугачев», «Сказка о копейке», «Сказка о четырех братьях» [1, с. 153–155]. Власть боролась с революционной пропагандой: конфисковывали подпольную литературу, сажали революционеров в тюрьмы. Таким образом, «ряженная» литература служила двум целям: обойти цензурные запреты и донести крестьянам и рабочим в популярной форме социалистические идеи (крестьянского социализма).

В период Первой русской революции 1905–1907 гг. разные политические партии прибегали

к традиции «ряженой» литературы в своих нелегальных изданиях: социал-демократы («Сон под первое мая, сказка-правда», 1902; революционные сказки для рабочих Е.Д. Кусковой «Стачка лжи: волшебная сказка», 1905); эсеры и анархисты. Любопытна сказка анархиста под псевдонимом Стенька Заяц «Как мужики остались без начальства» (1906). Черт попал к крестьянину Ивану от черносотенцев и вынужден был служить ему, отправляя в ад притесняющих его управляющих. В сказке кадеты и эсеры, чье полное название «натошак не выговоришь», обманывали крестьянина, и только анархисты научили мужиков уму-разуму: жить без начальства. Остановимся подробнее на крамольной поэме-сказке «Конек-Скакунок» (1906), которая мимикрировала под «Конька-Горбунка» П.П. Ершова (рис. 1). Ее автора — эсера-народника С.А. Басова-Верхоянцева — называли «одним из основателей особого литературного жанра — революционно-художественного лубка» [2, с. 262]. Сказка, повествуя о Кровавом воскресеньи 9 января 1905 г., рассеивает иллюзии народа о хорошем царе и плохих боярах. В конце народ с эсеровским лозунгом «Земля и воля» сбрасывает царя Берендея (Николая II). «Конек-Скакунок» имел большую популярность в народе, зачитывался до дыр и неоднократно переиздавался. Из воспоминаний В.Д. Бонч-Бруевича мы знаем об интересе В.И. Ленина к «Коньку-Скакунку». Вождь революции считал эту книгу весьма полезной для крестьян, «так как в легкой, занимательной форме она дает первое представление о современном политическом устройстве и очень зло высмеивает царский дом, самодержавное правительство, чиновничество и весь бюрократический строй царской России» [3, с. 699]¹. Обложка к «Коньку-Скакунку» имитирует обложку лубочных книжек. С.А. Басов-Верхоянцев в 1906–1908 гг. создает и другие сказочные поэмы: «Черная сотня. Сказка», «Сказ — отколь пошли цари у нас».

После Февральской революции антивоенное издательство «Парус», возглавляемое М. Горьким, весной 1917 г. выпустило сатирические лубки, высмеивающие самодержавие. Идея их создания принадлежит М. Горькому. Художник А.А. Радаков вспоминает, что «вскоре после Февральской революции Маяковский и меня пригласил к себе Горький. <...> Он сказал, что народ сейчас нуждается в новом слове, в живой иллюстрации, яркой картинке. Он предложил Маяковскому и мне писать лубки на революционные темы о свержении самодержавия, о революционных настроениях рабочих

¹ В.И. Ленин положительно отзывался о художественной литературе народников, их умении изучать народную жизнь. Но отмечал, что иногда они перебарщивали, вводя местные наречия (а не литературный язык) и увлекаясь этнографическими описаниями.

и солдат. <...> [цит. по: 4, с. 17]. В.В. Маяковский применил свой опыт работы в издательстве «Сегодняшний лубок» для революционной сатиры на Николая II. Его лубки высмеивают дореволюционную водочную монополию. В лубке «Царь-репка» А.А. Радаков трактует по-новому известную сказку. В одиночку интеллигенту, крестьянину, рабочему и солдату не под силу свергнуть монархию. Только объединившись, им удастся вырвать репу в виде головы Николая II. Лубок А.А. Радакова «Самодержавный строй» видоизменяет известную карикатуру Н.Н. Лохова «Пирамида», актуализировав ее событиями Кровавого воскресенья и слухами о связи императрицы Александры Федоровны с Германией².

Следует отметить также антивоенные революционные лубки Афанасия Ефремовича Куликова. Он, будучи солдатом, с июня 1917 г. делал лубки для Художественной секции Московского Совета солдатских депутатов. Например, лубок «Авось и небось» — притча, в которой в иносказательной форме повествуется о превращении младенца в топор, веревку и розу. Благословление Февральской революции состоит в том, что крестили розу, а не топор (гражданская война) или веревку (рабство), и, таким образом, удалось обрести свободу и избежать кровавого сценария революции. О.Р. Хромов отмечает, что литературная основа лубка «Пришествие антихриста» (1918) «напоминает духовный стих, отражающий народные утопии XX в. о счастливом граде» [5, с. 26]. Действительно, для А.Е. Куликова идеальным «градом» была старая патриархальная деревня³. Любопытно, что антиурбанистические взгляды А.Е. Куликова созвучны взглядам неопримитивиста А.В. Шевченко: «Земли-природы в ее собственном значении нет. Она превращена в фундамент зданий и асфальт тротуаров и мостовых. Земля-природа осталась лишь в воспоминании, как сказка о чем-то давно минувшем, прекрасном. Над всем властвует фабрика-город... Мир превратился в одну чудовищно-сказочную, вечно-движущуюся машину; в один громадный, не животный, автоматический организм» [6]. В лубках А.Е. Куликова антииндустриальные темы были соединены с критикой войны и социального неравенства.

² Плакат «Пирамида» был нарисован членом РСДРП Н.Н. Лоховым для Союза русских социал-демократов и издан в 1901 г. в Женеве. Вероятно, Н.Н. Лохов заимствовал композицию с карикатуры *Rugamide a renverser* («Пирамида, которую нужно снести») из бельгийской газеты *La presse socialiste* (1900), когда находился в эмиграции в Швейцарии с 1900 года. Во время Первой русской революции 1905–1907 гг. «Пирамида» переиздавалась большевистским издательством «Вперед» в виде открыток.

³ См. лубки А.Е. Куликова «Чем черт не шутит, когда бог спит», «Горе земли-матери». Если в большевистских плакатах Гражданской войны образ дымящихся труб имеет положительное значение восстановления промышленности и благополучия, то у А.Е. Куликова дымящиеся трубы загрязняют среду. Небоскребы — продукт разрушительной цивилизации.

СОВЕТСКИЕ ЛУБКИ

Большевики обратились к форме лубка в плакатах Гражданской войны. Собственно лубков было немного. В основном издавались плакаты, использующие те или иные черты лубка. Кстати, потребность крестьян в украшении своего жилища, которую плакаты не могли удовлетворить ввиду своего большого размера, была одной из причин создания советских лубков. Государственное издательство предложило распространять лубки «исключительно для продажи, с той целью, чтобы они попадали в избы крестьян» [7, с. 187].

Связь советских лубков с традицией «ряженой» литературы революционных демократов и народников впервые проследил О.Р. Хромов [8, с. 29]. В критике 1920-х гг. обсуждалась проблема советского лубка как особой формы пропаганды в деревне. В марксистском искусствознании тогда господствовал взгляд на лубок как на исконное искусство деревни [8, с. 60]. Впервые в советской критике идею использования лубка в целях пропаганды в деревне мы встречаем у В.П. Полонского. В 1922 г. он писал, что в «плакате нуждается город, а в лубке — деревня» [9, с. 72]. Исходя из принятого тогда различия пропаганды и агитации⁴, В.П. Полонский делает вывод, что в условиях мирного восстановительного периода более углубленная пропаганда приходит на смену «экстренной» агитации, и, следовательно, плакат должен уступить позицию лубку, который займет «центральное место в художественной агитации» [9, с. 75]. Н.М. Тарабукин признавал, что старый лубок как самобытное искусство умер вместе с исчезновением прежних общественно-бытовых условий. Но предлагал восстановить форму лубка как средство воздействия в деревне. Нарядный советский лубок с его «цветистым оперением» должен прийти на смену старому лубку в деревенской избе. «А с этого листа будет смотреть на него (крестьянина. — Е. Е.) ежедневно лицо нового мира, новой мысли, будет входить и разъедать косный уклад старого быта» [10, с. 65].

Первые советские лубочные картинки издавались Государственным издательством РСФСР (далее — Госиздат, ГИЗ) в 1923 году. Редактором серии лубков был искусствовед Н.С. Моргунов, работавший в Госиздате с 1922 г.⁵ Лубки делались в развлекательной форме и часто использовали частуш-

⁴ Г.В. Плеханов определял различие между агитацией и пропагандой: «...пропагандист дает много идей одному лицу или нескольким лицам, а агитатор дает только одну или только несколько идей, зато он дает их целой массе лиц...» (Плеханов Г.В. Сочинения : в 24 т. Т. 3. Москва ; Петроград : Госиздат, 1923. С. 397).

⁵ Лазаревский И.И. Народные картинки-лубки. Три варианта. 1927 г. // РГАЛИ. Ф. 1932. Оп. 1. Ед. хр. 96. Л. 1.

ки, которые мог сочинять сам художник (например, А.Е. Куликов). Но в большинстве случаев создатели брали частушки из современного фольклора, исследования которого помогают выяснить их происхождение. Так, лубок А.А. Суворова «Не пойдем во храм венчаться» (рис. 1), изданный в 1923 г., использует строки революционной частушки, записанной фольклористами в 1917–1919 гг., «Ты, Маланья, демократка: целоваться с тобой сладко...»:

*Не пойдем во храм венчаться
С милым ласковым дружкой
А поедим к комиссару —
Там запишемся вдвоем* [11, с. 59].

В лубке В.И. Иконникова используется частушка о Февральской революции (!) применительно к Октябрьской революции (рис. 2):

*Так не светит в перстечке
Самоцветный камешок,
Как среди столетий светит
Наш семнадцатый годок* [11, с. 55].

В этом случае оригинальная частушка совпадает с темой плаката:

*Словно свечка ярко светит:
Знаменитый наш март месяц.
Светит солнышко светлее,
Наш октябрик веселее* [11, с. 56].

Частушка к лубку В.В. Хвостенко «Я теперь не твоя, я теперь Сенина» (Ассоциация художников революционной России, АХРР, Москва, 1928; рис. 3) также была заимствована «снизу»: записана в Оренбургском крае в 1922 г. еще при жизни В.И. Ленина:

*Я теперь не твоя,
Я теперь Сенина:
Он меня в совет водил
Слушать речи Ленина* [12, с. 454].

Примеры можно было бы продолжить. Таким образом, создатели лубков заимствовали частушки из фольклора, возможно, из работ по фольклористике или популярных в то время сборников частушек (например, «Красная Тальянка», сост. А. Жаров, 1923).

После Октябрьской революции перед большевиками встала задача революционизировать консервативный быт, особенно в деревне. Многие стороны жизни человека — рождение, свадьба, похороны — оставались еще связанными с церковью и ее обрядами. Л.Д. Троцкий писал о необходимости «противопоставить старой обрядности новые формы, новую символику не только в области государственного

Рис. 1. А.А. Суворов. Лубок «Не пойдем во храм венчаться». 1923. Бумага, печать. 53 × 34,5. Источник: goskatalog.ru, № 981636

быта, где это уже имеется в широкой степени, но и в сфере семьи» [13, с. 49]. Например, лубки призывали заменить церковный обряд венчания регистрацией в ЗАГСе («Не пойдем во храм венчаться», «Красная свадьба»), обряд крещения — октябринами.

Многие ранние лубки с частушками обращались к женщинам. Этим объясняется преобладание в них таких личных и бытовых тем, как любовь, брак, молодость, конфликт поколений, семейная жизнь [14]. Лубки рисовали перед женщиной идеал избранника — комсомольца, красноармейца. «Девки влопались в него, это комсомолец»!⁶ В многокадровом стилизованном лубке предположительно А.Е. Куликова «Девки, девки, выходите» (1923)⁷ рассказы-

⁶ Строчка из неизданного лубка «Есть парнишка на селе». Эскиз к лубку хранится в Государственном центральном музее современной истории России (ГЦМСИР. Инв. № 38774/11). Лубок предложен Госиздату Пролеткультом, но был отклонен (Заседание художественной редколлегии Госиздата (15 февраля 1923 г.). ГА РФ. Ф. Р 395. Оп. 9. Д. 281. Л. 4.). На лубке написана фамилия «Волнухин», а также инициалы «Г.В.».

⁷ В протоколе заседания художественной редколлегии Госиздата от 10 марта 1923 г. есть упоминание об этом лубке: «О лубке И.Г. Тихонова «Девки, девки выходите»: Лубок принять и поручить Моргунову переговорить с художником относительно переработки рисунка» (ГА РФ. Ф. Р 395. Оп. 9. Д. 282. Л. 2). Однако такого художника мы не нашли. Возможно, автором является А.Е. Куликов, так как он упоминает в своей авто-

Рис. 2. В.С. Иконников.
Лубок «Так не светит в перстенечке». 1923.
Бумага, литография. 35 x 53.
Источник: goskatalog.ru, № 21041209

Рис. 3. В.В. Хвостенко.
Лубок «Я теперча не твоя, я теперча Сенина». 1928.
Бумага, литография. 27 x 35

Рис. 4. А.Е. Куликов. Эскиз к литографированному лубку
«Надулся Тит на новый быт».
1927—1928. Бумага, акварель, белила. 31,5 x 22,4.
ГЦМСИР, Москва

вается в частушечной форме история девушки-крестьянки, которая вначале влюбилась в эсера, но, убедившись в его шкурничестве и трусости, выбрала коммуниста. Ее символически красная рубашка отпугивает кулака — потенциального жениха. В упомянутом выше лубке В.В. Хвостенко девушка выбирает рабочего, отказывая кулаку. На лубке А.А. Суворова девушка говорит рабочему: «Ты не думай, милый мой, что я так рисуюся, — я движением рабочим очень интересуюся» (ГИЗ, 1923). Известны три лубка на песню Д. Бедного «Проводы», в которой выведен образ красноармейца, защищающего родину от помещиков и кулаков.

Лубок «Настя» (ГИЗ, 1923) показывает новую женщину, верящую в коммунизм и свободный труд, участвующую в политической жизни. В лубке «Девушки голубушки» (ГИЗ, 1923) активистка в сапогах и красном платке призывает молодых босоногих крестьянок вступать в Союз молодежи, быть политически активными, а не «мазать рожи». Этой же теме посвящен лубок А.Е. Куликова «Надулся Тит на новый быт» (рис. 4).

Первые советские лубки были, как правило, стилизованы под старинный народный лубок. Лубки В.И. Иконникова (ГИЗ, 1923) для деревни имитировали штрих ксилографического лубка XVIII века. В ГЦМСИР хранится также акварельный эскиз В.И. Иконникова к лубку «Богатая невеста» (инв. № 38774/10). Неподписанные лубки «Не пойдем во храм венчаться» и «Ты не думай, что я рисуюся», которые иногда приписывают В.И. Иконникову, сделал, скорее всего, А.А. Суворов. По стилю эти лубки идентичны эскизу к лубку «Прежде был я смазчик» из собрания ГЦМСИР. В каталоге «Русский советский лубок» на лубке «Прежде был я смазчик» указана монограмма художника «С.А.» [15, с. 74]. Сам напечатанный лубок не удалось увидеть: он хранится в Российской национальной библиотеке. Монограмма «С.А.», мы полагаем, расшифровывается как Суворов Анатолий. Из протокола заседания художественной редколлегии Госиздата от 13 января 1923 г. известно, что лубок «Смазчик» был сделан А.А. Суворовым и принят к изданию вместе с лубками В.И. Иконникова «Октябрь» и «17 годок»⁸.

А.Е. Куликов был самым известным из художников 1920-х гг., которые использовали традиционный лубок. Он еще в 1906–1908 гг. собирал и записывал фольклор и делал первые попытки создать народные картинки, иллюстрирующие фольклор [16, с. 75]. Народный лубок стал для А.Е. Куликова

биографии лубок, который подходит по описанию: «С 1921 по 1923 год Госиздатом приобретены у меня лубки... “Частушки” (несколько картинок на одном листе)» (Афанасий Ефремович Куликов. 1884–1949: русский советский лубок : каталог. Москва : Советский художник, 1978. 34 с.).

⁸ ГА РФ. Ф. Р 395. Оп. 9. Д. 281. Л. 2.

еще и формой самовыражения художника, поскольку он представлял эти лубки на выставках.

Иконописная традиция в советском лубке косвенно идет от русских народных промыслов. А.Е. Куликов использовал *палехскую миниатюру*, которая переживала в середине 1920-х гг. подъем. Он работал также над развитием кустарных промыслов, а в 1924 г. изготовил подносы для Музея кустарных изделий. В 1925 г. художник получил медали за эскизы кустарных работ на Всемирной выставке в Париже. В 1926–1928 гг. он создал в палехском стиле юмористические бытовые лубки для Музея революции: «Ах ты да ох ты, все пошили кофты», «Милка куря дым пушая, меня дымом угощая». В.В. Хвостенко в большей степени соединил палех со станковой живописью в лубке «Я теперча не твоя, я теперча Сенина» (1925). П.П. Соколов-Скаля стилизовал под народное искусство лубок «Парад на Красной площади». Эту работу обвиняли в схожести с иконой: «Белый конь под командиром в широкой шинели напоминает в этом случае въезд ветхозаветного Мессии или Георгия Победоносца, а ряд горнистов — архангелов» [цит. по: 17, с. 2]. А. Курелла считал, что лубок нужно осовременить, и неприемлемо «простое заимствование стиля “народных” картин XVIII—XIX вв.» [18, с. 47]. И приводит в качестве примера неудачного решения стилизованный лубок на песню «Красная армия всех сильней», присланный на конкурс лубка, проведенный Госиздатом в 1929 году. На лубке С.М. Буденный скачет на лошади в яблоках на фоне советских танков.

Насколько нам известно, стилизованные советские лубки не имели большого успеха. Редактор Госиздата И.И. Лазаревский писал, что стилизованная формалистическая трактовка лубков из народной серии 1923 г. под редакцией Н.С. Моргунова «не была принята зрителем-покупателем, и Госиздат приостановил их дальнейший выпуск»⁹. Ф.С. Рогинская в 1929 г. отмечала отсутствие интереса крестьян к стилизованным лубкам: «...показательно также, что совершенно не идут лубки Куликова и те из лубков Хвостенко, в которых есть стилизация под старый лубок. Лубки эти почти не вышли со склада. Потребитель не принимает нарочитой подделки под крестьянский вкус, псевдонародного сюсюканья. Он не хочет, чтобы с ним говорили, подделываясь под предполагаемую наивность его восприятия» [19, с. 71]. В настоящее время лубки А.Е. Куликова стали библиографической редкостью. Это, по авторитетному мнению О.Р. Хромова, говорит о том, что лубки в 1920-е гг. были в широком ходу, поэтому мало сохранились. Как бы то ни было, советский лубок с конца 1920-х гг. теряет свой «народный» облик и переориентируется на станковую реалистическую живопись, сбра-

сывает свое традиционное «оперение», но в то же время сохраняет некоторые важные черты и функцию традиционной лубочной картинки: мелкий пояснительный текст, ориентацию на народ. Некоторые советские лубки Госиздата и Центросоюза второй половины 1920-х гг. соединяли многокадровую композицию традиционного лубка и реалистическое живописное изображение.

Плакаты для крестьян этого же периода также использовали язык лубка. После Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки в 1923 г. издательство Наркомата земледелия «Новая деревня» начало выпускать литературу для крестьян, популяризовавшую сельскохозяйственные знания в *фольклорной форме* в виде агропозем, агросказок, агробасен, агрозаповедей, агролубков и т. д. Плакаты-агролубки просвещали крестьян в области агрономии. Их можно было тогда увидеть в любой избе-читальне. Стихи для них писал новокрестьянский поэт Петр Васильевич Орешин. Сюжет строился на том, что крестьяне встречаются с агрономом, после чего их дела идут в гору. Плакаты стимулировали крестьян развивать свое индивидуальное хозяйство. Это должно было дать средства государству для развития промышленности. Так, многокадровый лубок «Золотые яблоки» (1924) детально рассказывает историю о бедняке, который разбогател после того, как советский агроном научил его правильно выращивать овощи. В лубке «Как за пятак мужик купил четвертак» (1924) показана схожая история. Лубок «Как мужик Пантелей стал жить веселей» пропагандирует рациональное использование почвы путем шестипольного севооборота с последующим обогащением крестьянина. Пантелей отстроил «дворец», развел скотину, купил вместе с односельчанами сельскохозяйственную технику. И вообще: «Клевер там и клевер тут, свиньи песенки поют». Другие плакаты этой серии: «Чудо-травка» (1924), «Мужицкая сила» (1925).

СОВЕТСКИЕ ЛУБОЧНЫЕ КНИЖКИ (ИЛИ АГИТЛУБКИ)

Произведения С.А. Басова-Верхоянцева определяли как «литературный лубок», В.В. Маяковский сам называл свои агитационные поэмы 1923 г. «агитками-лубками» [20, с. 63]¹⁰. Понятие «лубок» здесь означает (упрощенную) литературу для народа, которая использует фольклор и разговорный язык. «Стихотворения (иногда по объему — маленькие поэмы), написанные в стиле русского народного лубка, частушки, басни, короткой стихотворной “сказки” или “рассказа”» [21, с. 236]. Наша цель — показать, что советские

⁹ Лазаревский И.И. Народные картинки-лубки. Три варианта. 1927 г. // РГАЛИ. Ф. 1932. Оп. 1. Ед. хр. 96. Л. 1.

¹⁰ Подробнее об агитлубках В.В. Маяковского см.: [21].

Рис. 5. Обложка «Сказки о батраке Балде и о страшном суде» Д. Бедного. 1919. 22 см (Харьковская государственная научная библиотека им. В.Г. Короленко)

издания с такими литературными лубками-агитками зачастую являлись также лубочными книжками и в отношении изобразительной формы.

Лубочные книги ко времени Октябрьской революции были уже «исчезающей литературой». В 1921 г. фольклорист Н.П. Андреев писал, что уходили в прошлое еще недавно пестревшие в городских книжных лавочках «маленькие лубочные книжки с заманчивыми названиями и яркими картинками на обложках... Теперь их уже нет, или они скромно прячутся по темным углам и под полкой продавца» [22, с. 11]. В постановлениях Совета народных комиссаров от 23 апреля и 19 мая 1919 г. приказывалось изъять из продажи все издания лубочной литературы как не отвечающие «потребностям и задачам современной социалистической пролетарской культуры» [23]¹¹. Тем не менее форма лубочной книги вскоре стала востребованной для агитации в деревне, но уже с новым содержанием.

Н.П. Андреев писал о характерной внешности дореволюционных лубочных книжек: «...они имеют определенный формат (in-16), определенное число страниц (16–32–48–96) и определен-

ную внешность (пестрые обложки с картинками)» [22, с. 7]. Новые советские агитлубки выпускались небольшим форматом (in-16 или in-8), с малым количеством страниц и имели красочные иллюстрации на обложках, которые решались или орнаментально (на основе мотивов народного искусства, например обложка к «Мужицкому сказу» Л. Сейфуллиной), или стилизовались под народный лубок, или же украшались реалистическими изображениями (антирелигиозные книги Д. Бедного). И главное, они ориентировались на крестьянского читателя. «Советские издательства выдвинули требование создать новый тип художественно-лубочной обложки, обновленной и по форме, и по содержанию» [24, с. 19]. Б. Виппер считал, что народ более восприимчив к изображенному, чем к написанному содержанию, поэтому народная книга, как и детская книга, — это прежде всего книга с картинками.

Издательства «Красная Новь» и Госиздат (серия «Изба-читальня») «остановились на книге, внешний вид которой напоминает прежний лубок, с его яркой красочной обложкой. Но содержание этого *советского лубка* нимало не напоминает изделия Никольской¹²: идеологически книги для деревни, выпускаемые «Красной Новью», Госиздатом и «Кругом», соответствуют тем задачам просвещения, которые поставлены перед ними партией» [25, с. 313]. Известно, что на совещании редакции Госиздата по вопросу выпуска народной литературы в январе 1923 г. было решено выпускать лубки [26, с. 333]. Любопытно, что в редколлегия Госиздата в качестве консультанта входил бывший «издатель-магнат» лубочной литературы И.Д. Сытин.

Агитлубки стали появляться уже во время Гражданской войны. Вышла сказка Д. Бедного «Сказка о батраке Балде и о страшном суде...» (Москва, 1919 г.), продолжающая сказку А.С. Пушкина (рис. 5). Балда воскресает при советской власти, видит Комитет бедноты, новые порядки и считает, что «все мужики очутились в раю». Иллюстрации В.В. Спасского к обложке и заставки, концовки стилизованы под старый лубок. В 1921 г. в отделе печати Реввоенсовета вышла первая агитлубочная книжка В.В. Маяковского «Сказка о дезертире, устроившемся недурненько, и о том, какая участь постигла его самого и семью шкурника». «По типу издания она очень напоминала книжку-картинку, по манере стиха, по его связи с рисунками, наконец, по хорошо знакомым нам рифмованным заголовкам она тесно приближалась к книжке-лубку» [4, с. 70].

¹¹ В лубочную литературу, изъятую из издательств Сытина, Морозова, Сизякова, входили, среди прочего, сонники, оракулы, песенники, письмовники.

¹² Имеется в виду Никольская улица, на которой торговали лубочной литературой. Название «Никольский рынок» стало нарицательным для обозначения низкокачественной дешевой массовой литературы.

Внутри иллюстрации были сделаны В.В. Маяковским по типу динамичных «Окон РОСТА». Другая книжка на тему дезертирства — «Софрон на фронте» Н.Н. Асеева (Высший военный редакционный совет, 1922). С весны 1923 г. В.В. Маяковский сочиняет агитлубочные поэмы, подключая затем к работе С.М. Третьякова и Н.Н. Асеева.

Основными темами агитлубков были пропаганда кооперации, борьба с религией и пьянством. По вопросу кооперации В.В. Маяковский и Н.Н. Асеев написали агитлубки в 1924–1925 гг.: «Рассказ о Климе, купившем крестьянский заем», «Одна голова всегда бедна» и др.

Некоторые детские книжки 1920-х гг. тоже можно отнести к агитлубкам, так как в них использовались лубочные приемы и они служили средством пропаганды. В книжке Михаила Ивановича Андреева «Брат и сестра» (Центросоюз, 1923) рассказывается бойким частушечным стихом о «сестренке-смычке» и ее «брате-кооперативе», которые укрощают волка, олицетворяющего частную торговлю. Иллюстрации выполнены А.А. Радаковым в стиле народной картинки. В другой книге с иллюстрациями В.С. Сварога М.И. Андреев использует известный сюжет лубочных книжек про Анику-воина (Ленинград, 1925). Но вместо бахвалящегося своей силой Аники-воина мы видим Анику-революционера, закованного в цепи двуглавым орлом-монархом. Несомненная аллюзия на миф о Прометее.

Продолжает писать лубочные поэмы С.А. Басов-Верхоянцев. В 1920 г. в госиздатовской серии «Красная книжка» (массовая дешевая малоформатная книга) выходит сказка «Жадный мужик» с красочной обложкой, где доказывается, почему крестьянин-середняк должен кормить рабочих. Поэма-лубок «Расея» (1923) сатирически показывает историю страны и ее правителей. В рецензии на книгу искусствовед А.А. Федоров-Давыдов относит ее к «литературе для деревни» [27].

На место дореволюционных лубочных книжек на духовные темы пришли антирелигиозные. «Многие советские идеи, — скажем антирелигиозные, — входят в души отсталых слоев народа ершом. А попробуйте-ка преподнести ему те же идеи на языке его искусства...» [28]. Выходят антирелигиозные лубочные книжки В.В. Маяковского «Обряды», «Ни знахарь, ни бог» (1923). Оформление, сделанное поэтом, упрощенное, внутри много рисунков. Лубочные книжки в более красочной, реалистической обложке выпускаются с текстами Д. Бедного. Цветная обложка его лубочной книжки «Бесы игривые» (1923) изображает флиртующего с крестьянкой попа на фоне церковных куполов (рис. 6). Внутри — черно-белые карикатурные иллюстрации с простым орнаментом вверху каждой страницы. В конце книги Д. Бедного «Про многотрудное житие отца Ипата» (1923) рекламиру-

Рис. 6. Обложка агитлубка Д. Бедного «Бесы игривые». 1923. 17 см (Харьковская государственная научная библиотека им. В.Г. Короленко)

ются другие издания «Красной нови»: «Все книги в художественных обложках с рисунками в тексте».

Еще одной темой лубочных книжек была борьба с пьянством. В.В. Маяковский пишет агитку «Вон самогон». Обложка к агитлубку сделана поэтом в лубочной стилистике, с орнаментальными цветочками, и изображает зеленого змия, обвинившего своим телом деревню. Вместо зубов у него ряд бутылок.

Сказки часто использовались в агитлубках в расчете на тягу крестьянина к удивительному, необычному, контрастирующему с его однообразной жизнью. Например, поэма В.И. Лебедева-Кумача «Как мужик у всех в долгу остался и как потом со всеми расквитался» (1923) или агитлубок А.А. Ильинского-Блюменау «Сказка-быль о Марье Храброй, Незаморском Добром Химе и заморской саранче» (1924). Отметим серию сказочных лубочных открыток, созданных в 1923 г. Н.Н. Поманским для Общества друзей воздушного флота и призывающих вносить средства на создание авиации. Идея заключалась в том, чтобы представить авиацию и новую советскую реальность как более чудесную, чем могло быть рассказано в сказке. «Краслет» (красный летчик) сильнее Черномора, он сражает Змея Горыныча, поднимается выше ковра-самолета в небеса и т. д. Любопытна открытка «Политический шабаш», в которой западные

политики Р. Пуанкаре, Б. Муссолини изображены в виде ведьм, летающих на метлах. Центральная группа персонажей пародирует картину Ф. Гойи «Шабаш ведьм». Только вместо сатаны изображен Д. Керзон, а группу ведьм заменяют представители буржуазии.

«Фольклорный» вид пропаганды подвергался критике. В 1925 г. С.И. Сырцов, анализируя литературу для крестьянина¹³, отмечал, что в деревне есть категория крестьян, которые рассматривали лубочные книжки как нестоящие, написанные специально для народа, а поэтому, наверное, с обманом, с подвохом, и стремились к городской книге. «Такие крестьяне презрительно отвертываются от книжки небольшого формата с пестрыми яркими обложками» [29, с. 4]. С.И. Сырцов признавал необходимость популярной книги для малограмотных крестьян, однако считал неудачными агросказки издательства «Новая деревня», поскольку крестьянин привык смотреть на сказку как на удел для детей или для развлечения. «Та серьезная мысль или идея, которая приводится в сказке, будет дискредитирована сказочной формой, и поэтому есть большая вероятность, что и к самой теме, и к выводу крестьянин отнесется как к брехне... Очень часто это требование популярности изложения для крестьян понималось неправильно, как необходимость подлаживаться под язык крестьян» [29, с. 4]. Тексты писались на псевдонародном языке, слова коверкались. Редактор Госиздата Н.Л. Мещеряков назвал манеру подобных театральных агиток «сюсюканьем под мужика» [30, с. 1].

Во второй половине 1920-х гг. В.В. Маяковский стал чувствовать ограниченность лубка. Для него лубок стал пройденным этапом. В стихотворении «Послание пролетарским поэтам» (1926) В.В. Маяковский писал:

*Одного боюсь —
за вас и сам, —
Чтоб не обмелели
наши души,
Чтоб мы
не возвели
в коммунистический сан
Плоскость раешников
и ерунду частушек* [20, с. 151].

К форме лубка обращались различные демократические движения от народников до большевиков, когда нужно было установить контакт с крестьянством. В «ряженой» литературе в привычной

для народа форме скрывалось революционное содержание. Занимательная сказка, лежащая в основе сюжета многих «ряженных» книг и агитлубков, привлекала крестьянина. В советских агитлубках также использовалось оформление дореволюционных лубочных книжек.

После Октябрьской революции культурный уровень деревни постепенно рос, а вместе с тем изменялись ее вкусы. Поэтому репродукции с реалистических картин оказались более востребованными, чем стилизованные лубки, несмотря на все художественные достоинства последних. Когда в 1925 г. встала задача героизировать участников революции 1905 г. и битв Гражданской войны, а затем и ударников, героев коллективизации, вождей, то народный лубок в его традиционной форме, должно быть, показался легковесным для раскрытия таких тем. Содержание и форма связаны: в старых лубочных картинках оставались частицы прежнего религиозного мировоззрения, которые диссонировали с новой действительностью.

Список источников

1. Соколов О.Д. На заре рабочего движения в России. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Мысль, 1978. 270 с.
2. Резник О. Основатель жанра // Новый мир. 1975. № 1. С. 259–262.
3. В.И. Ленин о литературе и искусстве. Москва : Художественная литература, 1976. 822 с.
4. Эвентов И.С. Маяковский-плакатист. Ленинград ; Москва : Искусство, 1940. 74 с.
5. Хромов О.Р. Лубочный мир Афанасия Куликова // Живая старина. 2000. № 4. С. 23–27.
6. Шевченко А.В. Нео-примитивизм. Его теория. Его возможности. Его достижения. Москва : Тип. 1 Моск. труд. артели, 1913. 34 с.
7. Агитмассовое искусство Советской России. Материалы и документы : агитпоезда и агитпароходы, передвижной театр, политический плакат, 1918–1932 : в 2 т. Т. 1 / под ред. В.П. Толстого. Москва : Искусство, 2002. 246 с.
8. Хромов О.Р. Русская лубочная книга XVII–XIX веков. Москва : Памятники исторической мысли, 1998. 219 с.
9. Полонский В. Русский революционный плакат // Печать и революция. 1922. № 2 (5). С. 56–77.
10. Тарабукин Н. Лубочный плакат // Советское искусство. 1925. № 3. С. 63–66.
11. Семеновский Д. Современная частушка // Красная Новь. 1921. № 1. С. 53–61.
12. Андреев Н.П. Русский фольклор. Москва ; Ленинград : Учпедгиз, 1936. 496 с.
13. Троцкий Л.Д. Вопросы быта. Москва : Красная новь, 1923. 115 с.
14. Феноменов М.Я. Современная деревня: опыт краеведческого обследования одной деревни (д. Гадыши Валдайского у. Новгородская г.). Ленинград ; Москва :

¹³ Сырцов Сергей Иванович (1893–1937) — партийный и государственный деятель. С 1924 г. — заведующий Агитпропотделом ЦК. Член президиума Комакадемии, редактор журнала «Коммунистическая революция».

- Гос. изд-во, 1925. Ч. 2: Старый и новый быт : (Социальные навыки). 211 с.
15. Русский советский лубок (печатная массовая картина) в собрании Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. 1921–1945 : каталог. Ленинград : [Б. и.], 1962. 164 л.
16. Хромов О.Р. Афанасий Куликов: книга о художнике : (Книга-альбом). Москва : Белый берег, 2000. 182 с.
17. Гутман Л. Проторенной дорожкой. Экскурс в прошлое // Жизнь искусства. 1928. № 50. С. 2–3.
18. Курелла А. Советского лубка нет // Тридцать дней. 1929. С. 42–47.
19. Рогинская Ф. Советский лубок. Москва : Изд-во Ассоциации художников революции, 1929. 98 с.
20. Маяковский В.В. Полное собрание сочинений : в 13 т. Т. 12. Москва : Гослитиздат, 1959. 715 с.
21. Дядичев В.Н. Агитлубли Маяковского: особенности жанра и поэтики // Пятнами красок, звоном лозунгов : книжно-плакатное творчество Маяковского. Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2016. С. 236–243.
22. Андреев Н. Исчезающая литература : (Из заметок о лубочной литературе) // Казанский библиофил. 1921. № 2. С. 3–15.
23. Декреты советской власти : в 18 т. Т. 5. Москва : Политиздат, 1971. 720 с.
24. Голлербах Э.Ф. Советская графика. [Москва] : ОГИЗ-ИЗОГИЗ, 1938. 54 с.
25. Соболев Ю. Возрожденный лубок // Красная Новь. 1924. № 2. С. 313–316.
26. Издание художественной литературы в РСФСР в 1919–1924 гг. : путеводитель по Фонду Госиздата / [сост. Л.М. Кресина, Е.А. Динерштейн ; науч. ред. Е.А. Динерштейн]. Москва : РОССПЭН, 2009. 462 с.
27. Федоров-Давыдов. С. Басов-Верхоянецев. Расея // Печать и революция. 1925. № 3. С. 282–283.
28. Вешнев В. Художественный лубок // Известия. 1923. 23 декабря. № 294. С. 6.
29. Сырцов С. Книгу в деревню // Коммунистическая революция. 1925. № 6. С. 3–12.
30. Театр и кино в деревне // Жизнь искусства. 1925. № 48. С. 1.

The Soviet Lubok of the First Half of the 1920s as a Form of Propaganda among the Peasantry

Egor A. Esyunin

V.I Surikov Moscow State Academy Art Institute, 30, Tovarishchesky Lane, Moscow, 109004, Russia
ORCID 0000-0001-8655-3295; SPIN 4680-9393
E-mail: Yyegor27@gmail.com

Abstract. *The lubok of the 1920s is a little-studied page of Soviet art. The tradition of using lubki (popular prints) and folklore for revolutionary propaganda goes back to the 19th century. The first part of the article examines the cases of using the lubki in the revolutionary movement. The Narodniks were the first who used the lubok literature form for revolutionary propaganda among peasants. The Narodniks' "ryazhenaya" ("mummer") literature masked in lubok clothing both for the purposes of conspiracy and for attractiveness for the peasantry. Before the October Revolution, the lubok had been mainly used by the Narodniks and Socialist-Revolutionaries who positioned themselves as a peasant party. After the revolution, the Bolsheviks also used the lubok form when it was necessary to broadcast Marxist ideas to the countryside. For this purpose, they used Soviet popular prints (Soviet lubki) and lubok books (propaganda prints). The second part of the article is dedicated to Soviet popular prints. At first, the So-*

viet lubki were oriented in their pictorial form on old traditional folk prints, and in their texts — on folklore. They imitated folk speech and took over ditties (chastushki) from the new Soviet folklore. From the second half of the 1920s, the Soviet lubok started changing its form, transforming into a reproduction from realistic easel paintings. The third part of the article considers the lubok books and agro tales for peasants. There is shown that the Soviet lubok books in their form also resembled pre-revolutionary ones.

Key words: Soviet lubok, popular print, folklore, mummer literature, propaganda prints, Soviet propaganda, Narodniks, graphic art.

Citation: Esyunin E.A. The Soviet Lubok of the First Half of the 1920s as a Form of Propaganda among the Peasantry, *Observatory of Culture*, 2022, vol. 19, no. 1, pp. 100–110. DOI: 10.25281/2072-3156-2022-19-1-100-110.

References

1. Sokolov O.D. *Na zare rabochego dvizheniya v Rossii* [At the Beginning of the Labour Movement in Russia]. Moscow, Mysl' Publ., 1978, 270 p.
2. Reznik O. The Genre Founder, *Novyi mir* [New World], 1975, no. 1, pp. 259–262 (in Russ.).
3. V.I. Lenin *o literature i iskusstve* [V.I. Lenin on Literature and Art]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1976, 822 p.
4. Eventov I.S. *Mayakovskii-plakatist* [Mayakovsky as a Poster Artist]. Leningrad, Moscow, Iskusstvo Publ., 1940, 74 p.

5. Khromov O.R. Afanasy Kulikov's Lubok World, *Zhivaya starina* [Live Antiquity], 2000, no. 4, pp. 23–27 (in Russ.).
6. Shevchenko A.V. *Neo-primitivizm. Ego teoriya. Ego vozmozhnosti. Ego dostizheniya* [Neo-Primitivism. Its Theory. Its Capabilities. Its Achievements]. Moscow, 1 Mosk. Trud. Arteli Publ., 1913, 34 p.
7. Tolstoy V.P. (ed.) *Agitmassovoe iskusstvo Sovetskoi Rossii. Materialy i dokumenty: agitpoezda i agitparokhody, peredvizhnoi teatr, politicheskii plakat, 1918–1932: v 2 t. T. 1* [Mass-Propaganda Art of Soviet Russia. Materials and Documents: Propaganda Trains and Propaganda Steamers, Mobile Theater, Political Poster, 1918–1932: in 2 volumes. Volume 1]. Moscow, Iskusstvo Publ., 2002, 246 p.
8. Khromov O.R. *Russkaya lubochnaya kniga XVII–XIX vekov* [Russian Lubok Book of the 17th–19th Centuries]. Moscow, Pamyatniki Istoricheskoi Mysli Publ., 1998, 219 p.
9. Polonsky V. Russian Revolutionary Poster, *Pechat' i revolyutsiya* [The Press and the Revolution], 1922, no. 2 (5), pp. 56–77 (in Russ.).
10. Tarabukin N. Lubok Poster, *Sovetskoe iskusstvo* [Soviet Art], 1925, no. 3, pp. 63–66 (in Russ.).
11. Semenovskiy D. Modern Ditty, *Krasnaya Nov'* [Red Virgin Soil], 1921, no. 1, pp. 53–61 (in Russ.).
12. Andreev N.P. *Russkii fol'klor* [Russian Folklore]. Moscow, Leningrad, Uchpedgiz Publ., 1936, 496 p.
13. Trotsky L.D. *Voprosy byta* [Problems of Life]. Moscow, Krasnaya Nov' Publ., 1923, 115 p.
14. Fenomenov M.Ya. *Sovremennaya derevnya: opyt kraevedcheskogo obsledovaniya odnoi derevni (d. Gadyshi Valdaiskogo u. Novgorodskaya g.)* [Modern Village: An Experience of One Village Local History Investigation (Gadyshi Village of the Valdai Uezd, Novgorod Governorate)]. Leningrad, Moscow, Gosudarstvennoe Publ., 1925, part 2: *Staryi i novyi byt: (Sotsial'nye navyki)* [Old and New Way of Life: (Social Skills)], 211 p.
15. *Russkii sovetskii lubok (pechatnaya massovaya kartina) v sobranii Gosudarstvennoi publichnoi biblioteki im. M.E. Saltykova-Shchedrina. 1921–1945: katalog* [Russian Soviet Lubok (Printed Mass Picture) in the State Public Library named after M.E. Saltykov-Shchedrin. 1921–1945: catalogue]. Leningrad, 1962, 164 p.
16. Khromov O.R. *Afanasii Kulikov: kniga o khudozhnike: (Kniga-al'bom)* [Afanasy Kulikov: A Book about the Artist: (Book-Album)]. Moscow, Belyi Bereg Publ., 2000, 182 p.
17. Gutman L. By the Beaten Path. An Excursion into the Past, *Zhizn' iskusstva* [The Life of Art], 1928, no. 50, pp. 2–3 (in Russ.).
18. Kurella A. There Is No Soviet Lubok, *Tridtsat' dnei* [Thirty Days], 1929, pp. 42–47 (in Russ.).
19. Roginskaya F. *Sovetskii lubok* [Soviet Lubok]. Moscow, Assotsiatsii Khudozhnikov Revolyutsii Publ., 1929, 98 p.
20. Mayakovsky V.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 t. T. 12* [Complete Works: in 13 volumes. Volume 12]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1959, 715 p.
21. Dyadichev V.N. Mayakovsky's Propaganda Lubki: Features of the Genre and Poetics, *Pyatnami krasok, zvonom lozungov: knizhno-plakatnoe tvorchestvo Mayakovskogo* [By Stains of Paint, by Ringing of Slogans: Mayakovsky's Book and Poster Creative Works]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2016, pp. 236–243 (in Russ.).
22. Andreev N. Vanishing Literature: (From Notes on Lubok Literature), *Kazanskii bibliofil* [Kazan Bibliophile], 1921, no. 2, pp. 3–15 (in Russ.).
23. *Dekrety sovetskoi vlasti: v 18 t. T. 5* [Decrees of the Soviet Government: in 18 volumes. Volume 5]. Moscow, Politizdat Publ., 1971, 720 p.
24. Gollerbakh E.F. *Sovetskaya grafika* [Soviet Graphics], OGIZ-IZOGIZ Publ., 1938, 54 p.
25. Sobolev Yu. Revived Lubok, *Krasnaya Nov'* [Red Virgin Soil], 1924, no. 2, pp. 313–316 (in Russ.).
26. Dinershtein E.A. (ed.) *Izdanie khudozhestvennoi literatury v RSFSR v 1919–1924 gg.: putevoditel' po Fondu Gosizdata* [Fiction Publishing in the RSFSR in 1919–1924: A Guide to the State Publishing House Collection]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009, 462 p.
27. Fedorov-Davydov. S. Basov-Verkhoyantsev. Raseya, *Pechat' i revolyutsiya* [The Press and the Revolution], 1925, no. 3, pp. 282–283 (in Russ.).
28. Veshnev V. Artistic Lubok, *Izvestiya* [The News], 1923, December 23, no. 294, pp. 6 (in Russ.).
29. Syrtsov S. A Book to the Village, *Kommunisticheskaya revolyutsiya* [Communist Revolution], 1925, no. 6, pp. 3–12 (in Russ.).
30. Theater and Cinema in the Village, *Zhizn' iskusstva* [The Life of Art], 1925, no. 48, p. 1 (in Russ.).